

Редакционная коллегия:

В. М. Орел (главный редактор)

Д. А. Александров (редактор отдела рецензий)	Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора)
В. В. Бабков (отдел истории биологии)	Л. А. Маркова (отдел общих проблем)
А. Г. Барабашев (отдел философии
и методологии науки)	И. И. Мочалов (отдел истории наук о Земле)
Вл. П. Визгин (отдел истории физики,
механики и астрономии)	Н. Н. Семенова (и. о. ответственного секретаря)
В. Л. Гвоздецкий (отдел истории техники)	А. М. Смолеговский (отдел истории химии)
С. С. Демидов (отдел истории математики)	Д. А. Соболев (отдел истории авиации
и космонавтики)
С. С. Илизаров (отдел архивных публикаций)	А. Ю. Стручков (редактор международного
отдела)
Л. М. Кожина (отдел научно-технических музеев)	А. В. Юревич (отдел социологии и социаль-
ной психологии науки)

Международный редакционный совет:

Марк Адамс, США	Доминик Пестр, Франция
Кит Бенсон, США	Ганс-Йорг Райнбергер, ФРГ
Гурген Григорян, Россия	Нильс Ролл-Хансен, Норвегия
Лорен Грэхем, США	Эдвард Свидерски, Швейцария
Кеннет Кноспел, США	Вячеслав Степин, Россия
Борис Козлов, Россия	Дуглас Уинер, США
Эдуард Колчинский, Россия	Дэвид Холлоуэй, США
Джон Криге, Франция	Юрий Храмов, Украина
Юрий Наточин, Россия	Саймон Шейфер, Великобритания
Мариано Ормигон, Испания	Александр Яншин, Россия

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы — Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
Будрейко Екатерина Николаевна (информационный раздел)
Компьютерный набор — Мозговой Дмитрий Юрьевич
Оригинал-макет — Алексеев Константин Игоревич

Адрес редакции: 103012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел: (095) 928-1190 факс: (095) 925-9911 E-mail: viet@ihst.ru
Заведующая редакцией — Дроздова Людмила Николаевна

Подписано к печати 13.08.98. Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 10,0 тыс. Уч.-изд. л. 16,5 Бум. л. 5,0
Тираж 808 экз. Заказ 4155

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники, 1998 г.

При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

Социальная история отечественной науки и техники

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ, А. В. КОЗУЛИНА

ВРЕМЯ ВЫБОРА: ПОЧЕМУ В. И. ВЕРНАДСКИЙ ВЕРНУЛСЯ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ?*

О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

А. Твардовский

Феномен В. И. Вернадского, выявленный А. В. Лапо [1; 2], состоит и в том, что уже более 30 лет по экспоненте растет интерес к его жизни, научному творчеству и общественно-политической деятельности. В конце 60-х гг. взрыв публикаций о био-геохимических трудах Вернадского был вскоре дополнен — под влиянием книг И. И. Мочалова [3; 4] — массовым увлечением философскими размышлениями ученого, в которых искали ответы на теоретические вопросы науки и глобальные проблемы человечества. Перестроечная литература явила новый образ Вернадского: непримиримого критика большевистского режима, борца с насильственной диалектизацией естествознания, «печальника» за отечественную науку и заступника репрессированных ученых [5].

Сейчас зарождается новая тема публикаций, где основное внимание уделяется отмеченной еще К. Бэйлсом удивительной «социальной пластичности» ученого, позволявшей ему преуспевать на всех этапах трагической истории России XX в. [6, с. VI]. Ставится задача «деканонизировать» Вернадского, расстаться с мифом о нем как носителе нравственных традиций русской интеллигенции и увидеть в Вернадском прежде всего прагматика, умело использовавшего сталинскую систему для финансирования своих научных исследований. Справедливо указывается и на необходимость введения в научный оборот новых «полноценных текстов самого ученого» [7, с. 249].

Однако возникает ряд вопросов. Что такое «полноценные тексты» и насколько публикатор способен непредвзято подбирать их и читать не с позиций сегодняшнего дня, а в социально-культурном контексте развития отечественной и мировой науки в первой половине XX в.? Не сведется ли все опять к очередному прощанию с очередным мифом ради создания мифа нового? Насколько опасно крушение мифа об ученом, интеллигенте как «альтернативы гениям зла» для оценки его «как примера подлинного патриота и гражданина» [7, с. 249]?

В поисках предварительных ответов на эти вопросы попытаемся на малоосвещенном в литературе периоде пребывания Вернадского за границей в 1922–1926 гг. понять, почему он не стал эмигрантом, несмотря на негативное отношение к Октябрьской революции и резкие суждения о политике большевиков. Это позволит

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 97-03-04025) и Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 98-06-80109).

без морализирования посмотреть на последующее сотрудничество Вернадского с коммунистическими властями*.

Ценностный мир Вернадского

Истоки жизненных ценностей Вернадского — это взгляды интеллигенции послереформенной России, призывавшей к радикальным, но постепенным шагам преобразования общества. Эти взгляды формировались под влиянием растущего во всем мире авторитета науки, поразительных открытий и их технических воплощений, свидетельствующих о приближающемся индустриальном обществе. Развитие науки и её отношения с властями становились важной проблемой государственной политики и идеологии.

Не только ученые, но и значительная часть промышленников и политиков во всем мире считали науку важнейшим фактором совершенствования общества. Приходило понимание, что развитие науки возможно лишь при мощной государственной поддержке. Это, по мнению Вернадского, было особенно важно для России, где «вся научная творческая работа была связана, прямо или косвенно, с государственной организацией» [8, с. 104]. Вернадский всегда был на государственной службе. До революции он стал членом Академии наук, директором её Минералогического и Геологического музеев, председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В Советской России Вернадский создает и до конца своих дней возглавляет целый ряд научных учреждений, принимает участие в разработке планов индустриализации страны, старается максимально влиять на научную политику в СССР. Он был инициатором развертывания исследований радиоактивной энергии и стоял у истоков «урановой комиссии» при АН СССР и атомного проекта [9–12].

Вечный критик властей Вернадский прилагал все усилия для укрепления научного потенциала страны, понимая, что Романовы и Ленины уходят, а Россия должна выстоять в катаклизмах XX в. Такое понимание долга перед страной Вернадский почерпнул в духовных ценностях своего отца, профессора политической экономии И. В. Вернадского. От своих учителей в Санкт-Петербургском университете он унаследовал широту научных интересов и веру в общественное предназначение науки. В 1882 г. Вернадский писал: «Я хочу, однако, хоть отчасти увеличить сведения, улучшить хоть немного состояние человека. А улучшение это, к сожалению моему, в мое время зависит не только от научных знаний и приложения их к борьбе с природой, а ещё и к борьбе с людьми, к деятельности политической» [13, л. 1]. Такое понимание зависимости науки от политики объяснялось социально-политической обстановкой после убийства Александра II. Поэтому активное участие в общественно-политической жизни страны, в работе Государственного совета, в академическом либеральном движении, в кадетской партии — неотъемлемый компонент жизнедеятельности Вернадского.

* Архивный материал в Бахметьевском фонде Колумбийского университета был отобран в 1992 г. моей ученицей А. В. Козулиной, заграничная командировка которой завершилась расставанием с историей науки и обретением гражданства США. Выполняя договоренность с ней о завершении совместно задуманной статьи, я откладываю на будущее публикацию полных текстов использованных здесь документов. Приношу искреннюю благодарность председателю административного комитета Бахметьевского фонда Колумбийского университета Рихарду Вортману за разрешение публиковать эти материалы.

Биогеохимия и революция

В предреволюционные годы В. И. Вернадский все чаще обращается к вопросам взаимодействия биологических и геологических процессов на поверхности Земли. Избрание председателем КЕПС побуждало задумываться о геологических и биологических проблемах в глобальных масштабах, по крайней мере, в рамках Российской Империи. Начиная с 1916 г. он «систематически знакомится с биологической литературой на химической и химико-геологической основе и вырабатывает основные принципы биогеохимии» [14, с. 281]. В разгар революционных событий он начинает писать книгу «Живое вещество». Тогда же появляется мысль продолжить работу за границей, так как новая литература практически не поступала в Россию с начала первой мировой войны. Особенно его привлекают богатейшие собрания библиотеки Британского музея.

1917 год резко изменил планы ученого. Вернадский вместе с другими членами Российской академии наук (РАН) воспринял захват власти большевиками как национальную катастрофу. В отчетном докладе за 1917 г. Непременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург, ближайший друг Вернадского, сказал: «Россия стала на край гибели» [15, с. 5]. Вырисовывалась угроза и для самой Академии, так как раздавались официальные призывы уничтожить прежние научные учреждения «как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества». Их авторы были убеждены: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхование в неприступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства» [16, с. 69].

В гражданскую войну ученый в полной мере испытал тяготы времени: преследование властей, арест, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для проведения исследований. Но и в этих условиях Вернадский вел экспериментальные исследования по биогеохимии на Старосельской биологической, Киевской опытной, Салгирской плодородческой станциях. В них участвует и будущий крупнейший генетик XX в. Ф. Г. Добржанский. У В. И. Вернадского зреет сознание, что биогеохимия — главное дело его жизни, и что ему удастся сказать человечеству много нового в учении о живом веществе. Возникает мысль и об эмиграции, хотя были сомнения, сможет ли он там устроиться и воспримут ли всерьез его идеи на Западе, так как основные работы Вернадского были опубликованы на русском языке, и он не знал своего реального места в мировом научном обществе [17, с. 204].

Постоянное изменение линии фронта, бешеный ритм событий сломали и эти планы. В конце осени 1919 г. он выехал в командировку на юг России и в конечном счете вместо Лондона очутился в Симферополе, где пытался возобновить биогеохимические исследования в лаборатории по изучению роли живых организмов в минералогенезе. Дневниковые записи с октября 1917 г. по январь 1921 г. показывают, сколь сложную эволюцию претерпевал его внутренний мир в первые после-революционные годы. По его собственным словам, он смело, беспощадно и откровенно шел «по пути полной переоценки своих убеждений и убеждений близких», перерабатывая «идеалы жизни» [17, с. 76, 77, 80 и др.]. Потрясенный ужасами гражданской войны, разгромом «русским народом самого себя» [17, с. 81], он начинает осознавать условность и мелочность житейских и политических убеждений, опутанных массой приходящих соображений и низменных мотивов, скрываемых за красивыми словами о равенстве, демократии, справедливости. Вернадский все более убеждается, что только наука может обеспечить создание общества, соответ-

ствующего законам эволюции биосферы. Наиболее приемлемым политическим режимом для него становится власть, создающая благоприятные условия для развития науки и внедрения изобретений в производство. Кроме того, дальнейшее процветание России он видел в рамках единого и мощного государства и все чаще задумывался о том, что из действовавших политических сил лишь «государственное творчество» большевиков может обеспечить территориальную целостность страны.

Зарождается план создать специальный институт для изучения живого вещества. Эта мысль, по словам Вернадского, пришла ему в начале 1920 г. (во время болезни сыпным тифом). Вот запись из дневника от 23 марта 1920 г.: «Я ясно стал осознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе... Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я... попадаю в первые ряды мировых ученых... Главную часть мечтаний составляло, однако, построение моей жизни как научного работника, в частности проведение в человечество новых идей и научной работы в связи с учением о живом веществе» (цит. по: [18, с. 17–18]). Поэтому одновременно возникло ощущение, что для реализации этой цели будет создан международный институт, который и по организации, и по тематике, и по составу сотрудников представлял бы собой институт принципиально нового типа, призванный решать глобальные проблемы. Организовать этот институт Вернадский предполагал в Америке, на берегу Атлантического океана.

Многочисленные архивные документы тех лет показывают, до какой степени Вернадский был захвачен биогеохимическими идеями. Этим объясняется мессианский тон приведенных цитат. Эта вера побуждала его к эмиграции. В письме к своему многолетнему другу А. В. Гольштейн он сообщал: «Я стремлюсь за границу, так как здесь чрезвычайно трудно работать, и я хочу закончить и издать по-русски и по-английски два своих труда: 1) „Основы геохимии“ и 2) „Живое вещество с геологической т[очки] зр[ения]“, .. и я хочу их издать до своей смерти. Здесь работать над ними можно, но я достигаю 10–25 (процентов) работы в одно и то же время, следовательно, трачу в 4–10 раз больше времени, чем следует» [19, с. 383]*.

Вскоре и такая работа стала невозможной. Таврический университет выделил деньги для поездки в Лондон, но в сентябре Вернадского уговорили стать ректором университета, и отъезд был отложен. Из-за эвакуации армии Н. Н. Врангеля из Крыма намерение временно покинуть Россию стало особенно актуальным. Вернадский должен был уехать в Стамбул, где его ждал сын Георгий, а оттуда уже в Лондон. Однако профессора и студенты университета попросили его остаться на время смены власти. В марте 1921 г. вместо Лондона он попал в Москву, куда приехал в специальном вагоне вместе с женой и дочерью. После краткого ареста в Петрограде он возобновляет работу в Академии наук.

Вернадский и большевики в начале 20-х гг.

В течение всей гражданской войны руководители РАН, не признавая идей новой власти, старались наладить сотрудничество с нею и требовали принять меры, «дабы не гибла русская наука и не гибли напрасно русские ученые» [20, с. 174–177]. В качестве таких мер называлось сохранение преемственности научной работы, ограждение ученых «от всякого рода посягательств на их свободный труд

* Здесь и далее дополнения к сокращенным словам взяты в квадратные скобки. Пунктуация и орфография даны по правилам современного русского языка. Авторское подчеркивание выделено курсивом.

и формы их внутренней организации», сохранение «рассадников знания», создание «прочного научного фундамента народно-хозяйственной жизни». Говорилось и о единстве прикладного и «чистого» знания, о привлечении ученых к работе правительственных органов, о бережном отношении к высшей школе, о развитии научного издательства. Один из главных путей преодоления кризиса ученые видели в росте науки.

И их призыв отчасти был услышан. Власти старались привлечь на свою сторону инженеров и ученых-естественников и пытались создать условия для их научных занятий. Они руководили лабораториями, кафедрами, институтами, готовили научные кадры, привлекались для разработки и экспертизы законов и государственных проектов. У научной интеллигенции, издавна считавшей, что царское правительство практически игнорировало нужды науки, были основания полагать, что большевики создадут обстановку, стимулирующую научные исследования. В числе ученых, вставших на путь активного сотрудничества с властями ещё в годы гражданской войны, были ближайший друг Вернадского — С. Ф. Ольденбург и ученик — А. Е. Ферсман. Они стояли у истоков советской научной элиты, определяли политику Академии, имели прочные связи в правительственных кругах и в немалой степени способствовали беспрецедентному росту научных учреждений [21; 22], создаваемых в рамках КЕПС и РАН, при наркоматах и ведомствах.

Некоторые проекты этих учреждений разрабатывались при участии Вернадского еще до революции. Вернадский становится директором Радиевого института и возглавляет при КЕПС крохотную лабораторию по изучению живого вещества. По-прежнему сильна в нем вера, что основывается «новое течение в изучении природы». Правда, гложут и сомнения: «Удастся ли мне это доказать и убедить?.. Нельзя представить, до какой степени здесь трудна научно-исследовательская работа... При „пайке“ не проживешь с семьей, т[ак] к[ак] оплата труда здесь грошовая. Надо или продавать вещи, или продавать дешево труд, или же заниматься тем возвращающим дух времяпровождением в разных учреждениях, чем занимаются другие (совместительство). Литературу иностранную получаем урывками, с трудом и опять-таки с величайшими усилиями...» [23].

Вернадского гнетут новые отношения научного сообщества с властями. В 1921 г. с горечью он пишет сыну о реформе высшей школы: «Все изгажено и ухудшается — но ничего сделать не удастся. Недавно был в Москве съезд ректоров, деканов и деятелей высшей школы и как всегда поддельный... чиновников, коммунистов и ..., красных“ профессоров вдвое почти более выбранных.

Всюду меньшинство и большинство резко раскололось на этой грани... Новый проект — безумный и безжизненный: в факультеты и советы вводятся чиновники и коммунисты, и им даже не дается права в канцеляриях комиссариата!... В Москве были студенческие волнения на этой почве, быстро подавленные: главари избиты в Ч.К., а затем все студенты распушены и в короткий срок высланы на родину, и все успокоилось. Высшая школа переживает тяжелый кризис, и она надолго искалечена» [24]. Весной 1921 г., рассказывая Гольштейн о тяжелом положении РАН и её сотрудников, Вернадский замечает, что работать очень трудно, ухудшаются условия питания, пайки выдаются нерегулярно, «в общем, сильнейшее чувство рабства и полное отсутствие какого бы то ни было улучшения» [25]. Он считает необходимым принять какие-то меры для физического спасения научной интеллигенции, не говоря уже о моральной стороне дела.

Из опыта братоубийственной борьбы Вернадский вынес твердое убеждение, что после стольких лет потрясений непродуктивно продолжение политической борьбы, а важно сконцентрироваться на возрождении «духа России». Эта мысль

становится доминантой его последующей деятельности. 15 июня 1921 г. он пишет сыну из Петрограда: «...Я считаю сейчас самым важным и самым нужным *творческую* работу — научную, художественную, философскую. В ней спасение русской культуры, а следовательно, и России. Такое же значение я придаю и *деловой* работе — практическому созданию материальных ценностей. Но политической и публицистической деятельностью я бы сейчас поставил на втором месте...» [26].

Ему созвучна вера большевиков в возможность преобразовать общество на базе научного знания. Он допускал возможность сотрудничества с новыми властями. Более того, через месяц в письме к сыну он признает, что хотя «работать, как следует, невозможно, и все время поднимается негодование над теми условиями, в которых приходится работать, — но за этими тяжелыми ощущениями нельзя терять спокойствия духа и не видеть, что в них, в этих невероятных условиях, русские ученые в России делают огромное, великое дело». Их работу он оценивал «как залог всего будущего и доказательств роста и силы будущего России» [27].

Крохотная лаборатория по изучению живого вещества оказалась непригодной для реализации грандиозных планов. Да и вся обстановка в разоренной стране этому препятствовала. Через сына Вернадский пытается выяснить возможность получить работу в США. Однако, как видно из письма А. И. Петрункевича, работавшего в Иельском университете, к Г. В. Вернадскому, перспективы были не радужными. Он писал: «...Владимира Ивановича здесь хорошо знают, и это, думается, в его пользу. Но, в общем, русским здесь плохо... На Ваш вопрос, приезжать ли Вам сюда, чтобы лично помочь устроить Вашего отца, могу только самым категорическим образом ответить: нет. Жизнь здесь страшно дорога, безработица растет. Вы не только отцу не поможете, но и сами будете нуждаться» [28].

Но Вернадскому удается попасть за границу. Ректор Сорбонны пригласил его прочитать курс лекций по геохимии. Командировка облегчила избрание Вернадского почетным членом Французской академии, но пришлось бороться за возможность ехать вместе с женой и дочерью Ниной, что вначале представлялось невероятным. Потребовались многочисленные хлопоты, заполнение огромного количества бумаг, поручительства коммунистов, например, заместителя Наркомпроса и руководителя Социалистической академии Покровского, прежде чем все было улажено. Командировка планировалась на четыре-пять месяцев. Если условия для работы окажутся благоприятными, то Вернадский «дал слово» вернуться, чтобы «хлопотать о дальнейшей командировке» [29]. Он понимал, какие последствия его невозвращения грозят поручившимся за него и сотрудникам руководимых им учреждений.

Вернадский и политическая эмиграция

В. И. Вернадского встретили в Париже с подчеркнутым пиететом. Французская академия присудила премию в размере 4 000 франков, а Министерство иностранных дел ежемесячно выдавало 1 000 франков. В пределах выделенных лабораторных средств была предоставлена возможность заказывать приборы, материалы и т. д. Приезд Вернадского был большим событием для эмигрантских кругов. Отовсюду шли дружеские письма, полные сочувствия и поддержки. Приезду Вернадского радовались и русские студенты-геологи из училища в Брно, и профессора в Англии, Германии, Чехословакии. Все были уверены, что Вернадский приехал навсегда. Друзья в Париже (В. К. Агафонов, А. В. Гольштейн), ранее способствовавшие организации командировки (переговоры с Французской академией об избрании, получение виз и т. д.), помогли на первых порах устроиться и осмотреться.

Ожила надежда создать в какой-либо стране лабораторию или даже институт живого вещества и наладить масштабные исследования. Вернадский посылает письма своим российским друзьям, разбросанным эмиграцией по Европе и США, стараясь уяснить ситуацию, и просит похлопотать за него. Запросы-предложения идут в Институт Карнеги, Национальный исследовательский Совет США, в Минералогическое общество Америки, в Британскую ассоциацию за прогресс в науке и т.д. В 1923 г. на английском языке он впервые излагает в концентрированном виде свои биогеохимические идеи и задачи будущего научного учреждения для их разработки.

В это время Вернадский столкнулся с необходимостью определиться по отношению к господствовавшим среди эмигрантов планам, так как многие воспринимали его приезд под лозунгом «нашего полку прибыло». Его старые политические соратники по либеральному движению И. И. Петрункевич и Ф. И. Родичев были искренне рады возобновить общение с ним, прерванное после поражения белых в Крыму [30], но не могли понять намерения не рвать с Россией, где, по их убеждению, полностью игнорируются интересы творческой личности. Начались уговоры детей, твердо решивших стать эмигрантами, не возвращаться в Россию. Не желала расставаться с детьми жена Вернадского Наталия Егоровна. Вернадский оказался перед сложным выбором: конфликт с семьей, раздор с друзьями-эмигрантами или же неверность данному обещанию, чреватая тяжелыми последствиями для друзей и коллег, оставшихся в Петрограде. Боясь ошибиться, он старается, с одной стороны, получить максимум информации из России, а с другой — оценить перспективы русской эмиграции.

Прежде всего, он показывает, что стоит над партийными разногласиями, подчеркивая, что он — ученый, не связанный никакими политическими интересами. Он убежден: «Кризис идейной государственности очень глубок. Ни монархия, как монархия, ни парламентаризм, ни народовластие — не есть идеалы. Идеалы другое — содержание жизни, это содержание жизни надо сейчас охранять, м[оже]т б[ыть] от всех политиков. Конечно, всякая власть более ему благоприятна, чем большевистская — но эта всякая власть скорее всего приблизится строением жизни, несмотря на ту власть, которая сейчас господствует. Я, кроме того, верю и, больше, научно знаю — близость больших изменений содержания жизни под влиянием роста научного сознания» [31].

Вскоре выявились принципиальные разногласия в оценке деятельности ученых в Советской России. Эмигранты называли «соглашателями» С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана и осуждали их за сотрудничество с большевиками. Вернадский же, находясь ещё в Петрограде, считал «глубоко несправедливым отношение закордонных друзей к деятельности научных работников в России» и был глубоко убежден «в огромном значении не только для русской культуры — и для мировой ... тех ученых, которые взяли на себя тяжелый крест работы здесь...» [32]. «Я лично считаю, — подчеркивал Вернадский, — что выше всех материальных потерь стоит творческий дух человечества, и если он в каком-нибудь народе не заглох — остальное все наживное. А здесь он не заглох, а растет, как ни странно и непонятно» [32].

Свои оценки сотрудничества ученых с большевиками, основанные на зарождавшихся у него идеях ноосферы, Вернадский не изменил и в Париже. «... Очень тяжело и сложно, по-видимому, в России для тех, кто... связан с высшей школой или стоит во главе больших научных учреждений. Но им я (Сергею Ольденбургу и А. Е. Ферсману) обоим, безусловно, верю и знаю, что они ничего не сделают против своей совести или из-за личной выгоды. В конце концов — пока — жизнь их оправдывает; огромная культурная работа идет в России, и все главные центры науч-

ной жизни сохранены. Это факт и сделано волей, трудом и верой людей. Ничто само по себе не делается... Слыша критику Сергея (С. Ф. Ольденбург. — Э. К.), всегда вношу поправку на те трудности, в которых ему приходится жить» [33]. Примерно в тех же словах Вернадский характеризует состояние российской науки в письмах к И. И. Петрункевичу, подчеркивая: «Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России...» [34].

В справедливости этих оценок убеждают Вернадского и письма учеников из России. Самойлов не раз писал об увеличивавшемся притоке студентов-рабфаковцев, о способной молодежи, которая учится с энтузиазмом, о создании новых институтов и кафедр при Московском университете, хотя и отмечал дефицит зарубежной литературы и плохое снабжение лабораторий научным оборудованием [35]. Письма Хлопина и Ферсмана полны известиями о повседневных проблемах, которые требуют решений Вернадского как директора Радиевого института и Минералогического музея.

Вызревает и разочарование в деятельности эмиграции, в которую пытаются вовлечь Вернадского дети. Он пишет сыну в Прагу: «Что касается общественно-политической деятельности эмиграции, она мне представляется ненужной и печальной. Корней в России нет: там идет свой процесс. Задача эмиграции: подготовка личностей и работа научная и культурная» [36]. В письме же дочери подчеркивает: «Я писал и пишу сейчас против политической игры эмиграции, против всех этих ссор, распрей. Вижу здесь, в Париже, как все более и более люди распыляются из-за фикций» [37]. Из дневника Вернадского за 1924 г. видно, что ему были непонятны суждения эмигрантской молодежи, не видевшей прежнего режима, но идеализировавшей его представителей, искажая «истину в своей фантастической реабилитации Николая II» и его бездарных и жалких царских министров. Вернадский вспоминал, что у большинства выборных и назначенных членов Государственного совета «не было ни *esprit de corps**, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем, ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... И это отсутствие содержания сказалось в грозный час» (цит. по [4, с. 241]).

Вернадский не скрывает своего критического отношения к эмиграции и в письмах к бывшим соратникам по либерально-демократическому движению. И. И. Петрункевичу он пишет: «Споры о республике и монархии представляются мне гниением... Силы у эмиграции нет, и идеалы многих из них чужды в русской среде» [34, с. 207]. При таких суждениях восторг эмигрантских кругов по поводу приезда Вернадского быстро сменился разочарованием. Как писал И. И. Петрункевич из Женевы, замалчивание в русской зарубежной печати работ Вернадского «похоже на недоброжелательство, неоправданное никакими соображениями и менее всего политическими разногласиями» [38]. Мысль о возможности Вернадского вернуться в «совдеповский рай» приводила в неистовство и его верного друга А. В. Гольштейн, которая считала, что его возвращение нужно большевикам в целях пропаганды, а впоследствии они могут его арестовать, уморить, выслать, расстрелять «при надобности или без надобности». Но она понимала, что в конечном счете решение будет зависеть от того, где будут лучше условия для научной работы, так как он «все более и более отходит от всякой личной жизни и... от всякой личной мысли, кроме научной» [19, с. 398–400, 402–403]. Вернадский не довел дело до разрыва и сохранил хорошие отношения со многими эмигрантами. Он не присоединялся ни к одному из противостоящих лагерей и оставался «чужим среди своих».

* Корпоративный дух — франц.

Затянувшаяся командировка

Вскоре стали очевидны сложности в научной работе, что заставило Вернадского просить продлить командировку. Первое продление до 1 мая 1923 г. не вызвало серьезных нареканий. Вторая просьба о продлении пребывания в Париже до ноября 1923 г. под предлогом необходимости закончить книгу «Очерки геохимии» пришла в Академию после того, как за подписью Ферсмана Вернадскому была послана выписка из заседания Президиума РАН от 5 мая 1923 г., в которой говорилось, что лицам, задержавшимся более чем на месяц после установленного срока, «не выписывать содержания и считать казенные квартиры, ими занимаемые, свободными» [39]. Не желая терять содержание и квартиру, Вернадский дважды обращается с просьбой продлить командировку до 15 ноября, в конечном счете Президиум согласился, но было отмечено, что этот срок крайний. В личных письмах А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург старались смягчить тон постановления.

Вернадский отказывается от руководства КЕПС и Радиевым институтом. Последнее встревожило Хлопина, считавшего, что подобная перемена поставит институт «в весьма затруднительное положение» и может его погубить. Поэтому длительная задержка лучше прямого отказа от руководства [40].

Были и другие мотивы для недовольства задержкой Вернадского за границей. Так, П. П. Сушкин, соглашаясь с тем, что выбор места работы есть неотъемлемое право ученого, голосовал бы за продление командировки крайне неохотно, так как отсутствие Вернадского «большой ущерб для Академии» [41].

Вернадский тянул с принятием окончательного решения, не желая отрезать пути в Россию. Свои колебания он не раз объяснял в письмах детям: «Если бы я был более молод, я бы уехал *совсем* и пробивался бы в новых условиях. Но сейчас моя жизнь кончается, и мне хочется эти последние годы провести в той работе, которая меня захватывает. Поэтому я не ищу профессорской работы, которая оставляет относительно мало времени для чисто научной работы...» [42]. И хотя уже начали приходиться вежливые отказы на просьбы о средствах для желаемой лаборатории, он продолжает надеяться, что вернется в Россию лишь на короткий срок для ликвидации дел. Такой приезд он объяснял тем, что «...дал слово. И для меня абсолютно безразлично, большевики или другие, которым я дал слово. Я дал его главным образом перед собой, а также перед близкими, которые мне... помогали уехать. И я знаю, что мое бегство поставит и их, и Академию наук в неприятное положение. Академия же мне дорога... Останусь ли на всю жизнь в России — сейчас не знаю — но если уеду вновь с тем, чтобы не возвращаться — не буду ехать как теперь» [43].

В продлении следующей командировки помог Ольденбург, который, будучи в заграничной командировке, доложил Президиуму РАН о болезненном состоянии Вернадского, «требующем временного пребывания в более теплом климате» до весны 1924 г. [44]. Но шансы на реализацию главной цели по-прежнему равны нулю, хотя Вернадский готов ради этого «стать французским гражданином» [45]. В поддержке отказали Институт Карнеги, Йельский университет, Национальный исследовательский совет США, Рокфеллеровский фонд, Британская ассоциация за прогресс в науке. Неудачей закончились попытки Ф. Славика договориться с официальными лицами Чехословакии о финансовой поддержке исследований Вернадского. В 1923 г. Славик сообщал: «Едва ли будет возможно у нас (т. е. в Праге. — Э. К.) и на средства наших научных организаций обосновать самостоятельный центр для систематических исследований» [46].

Еще раньше А. И. Петрункевич из Йельского университета, узнав о планах Вернадского, предостерегал его: «Что Вы хотели бы эмигрировать — я вполне пони-

маю. Но не делайте этого, если Вы не найдете средств на обеспечение лаборатории и научного труда, т[ак] к[ак] положение американского профессора, принужденного жить на жалованье и отдавать все время на учение — более чем незавидное. И самый уровень студентов... совсем другой, чем уровень русских и западноевропейских» [47]. Ни хлопоты самого Петрункевича, ни Л. Гендерсона, на которого «Очерки геохимии» Вернадского произвели большое впечатление, ни других крупных американских геологов и палеонтологов не могли помочь обустроиться за океаном. Поэтому оживает мысль о возвращении в Петроград. В конце 1923 г. он пишет сыну: «Я считаю, что надо здесь — в Европе пробовать все пути. Если не удастся здесь и в Америке — буду добиваться в Советской России. Для меня эта организация стоит выше переходящих форм политической жизни» [48]. Таким образом, он готов добиваться института «в России — в её варварском социалистическом строе, как ни тяжело мне лично жить в рабской стране» [34, с. 211].

Надежда забрезжила с созданием фонда С. А. Розенталя, «короля жемчуга», пожелавшего сделать что-нибудь для химии. С ним Вернадского свел Агафонов. Розенталь, по словам Вернадского, ничего не понимал в химии, но идеи Вернадского ему понравились [49]. Это и предопределило победу русского ученого в конкурсе. Но выделенная сумма оказалась скромной — 30 000 франков на год с перспективой продления финансирования ещё на год, если результаты будут признаны обнадеживающими.

«Репрессалки» РАН

Получив возможность задержаться в Париже, Вернадский направляет очередное ходатайство о продлении командировки, мотивируя теперь просьбу ссылками на международный характер развития науки. Из письма Вернадского к Ольденбургу от 6 июня 1924 г. видно его понимание возможных последствий. «В связи с этим становится вопрос о моей дальнейшей судьбе. Я не хочу эмигрировать и рвать связи с Россией. От политики я стою совершенно в стороне. Осталось для меня немногие дни, в лучшем случае годы жизни, и я хотел бы их посвятить научной работе, закончить то многое, что хотел бы сделать» [50, л. 34–34об.]. Осознавал он неприятности и для себя, и Академии наук, «которые могли последовать от... просьбы дальнейшего продления командировки. Но обратиться с этой просьбой есть мое право, а при данных условиях — было и моей прямой обязанностью как ученого» [51, с. 115]. Вернадский знал уязвимость такой аргументации, добавляя: «...я очутился как бы в положении борца, ушедшего из рядов в нужный момент» [51, с. 116], и его явно угнетало это ощущение дезертирства. Но Академия помогла избавиться от подобного «комплекса вины».

Как и предполагал Вернадский, реакция РАН была очень бурной. Несмотря на просьбу А. П. Карпинского, ходатайство было отклонено, а Вернадский был исключен из числа действительных членов, лишен академического содержания и квартиры. За ним сохранялось лишь звание академика. Правда, 3 сентября 1924 г. на заседании Отделения физико-математических наук было решено просить Наркомпрос «сохранить за Академией право при возвращении В. И. Вернадского в Ленинград включить его вновь в число действительных членов без новых выборов» (цит. по: [51, с. 122]). Академия наконец-то удовлетворила предшествовавшие просьбы Вернадского об освобождении от обязанностей председателя КЕПС и директора Радиевого института. Более того, без всякой просьбы со стороны Вернадского была закрыта созданная им Комиссия по истории знаний [52, л. 31об.].

В полном горечи, неподцензурном письме из Берлина в Париж Ферсман выговаривал учителю: «Конечно, нас всех ужасно смущали и смущают Ваши решения;

конечно, мы их считаем неправильными, несправедливыми и по отношению к Академии, которую Вы поставили в необычайно тяжелое положение, да и по отношению к себе, ибо не в тех же 30 тыс[ячах] денег дело, которые Вы, конечно, доставили бы в России легко» [53]. Второе письмо от 30 июля 1924 г. ещё резче: Ферсман называет объяснение Вернадским причин своих задержек «бессознательным самообманом, которым Вы хотите замаскировать другие чувства, которые Вас удерживают за границей. Наука здесь ни при чем, я вам говорил это при отъезде из Питера, Вы мне не верили, а С[ергей] Ф[едорович] сердился. Я был принципиальнее. Вас удерживает, конечно, не наука, это слова только, а прежде всего семья, огромное влияние Ниночки (дочь Н. В. Вернадская. — Э. К.), за последнее время очень вредное; удерживает желание вести борьбу активную, удерживает фантом свободы; конечно, она есть, когда нет обязанностей, обязанностей тяжелых, необходимых, иногда даже унижительных» [54]. Ферсман напоминает Вернадскому, что за границей «Вы оторваны от помощников, от живых людей, которые могли бы работать по Вашим указаниям. Это именно такое оружие, которое Вам нужно прежде всего. А это в Париже Вам сделать все-таки трудно». Ферсман уверен, что Вернадский и не собирался и не собирается возвращаться, хотя и дальше будет заниматься самообманом. Ведь на самом деле возможностей «для научной работы, конечно, у нас в 10 раз больше, чем в Париже». И укрепление положения ученых в России и их свободы, по его мнению, будут обеспечиваться «работой, развитием исследований» [54].

Эти письма рассердили Вернадского, и он сразу дает резкую отповедь. Рассуждения Ферсмана о мотивах его деятельности Вернадский назвал фантастическими, а чтение в чужих сердцах посчитал опасным, что «почти всегда приводит человека в ложное, а иногда в смешное положение» [51, с. 116]. Особенно Вернадского обидели суждения Ферсмана о «бессознательном самообмане», подвергавшие сомнению восприятие им своих поступков как хорошо продуманных, рациональных и нравственных. Он считал, что Академия поступила по отношению к нему «несправедливо и ошибочно». Вернадский понимал, что отныне попадает «на положение эмигранта или близкое» к нему [51, с. 17] и сожалеет об этом, так как не уверен, что сможет без помощников в России исполнить свои замыслы. Поэтому он подчеркивает, что инициатива прекращения связей с Академией и Россией исходит не от него. Волнует его и будущее оставленных вещей и квартиры.

Не затыгивает с ответом и Ферсман, обращаясь к Вернадскому и к его жене. Сожалея, что его суждения произвели на Вернадских отталкивающее впечатление, он вопрошает Н. Е. Вернадскую: «Неужели же можно думать, что русскую культуру пронесет в будущее русская эмиграция — эта смесь чванства, мстительности и безумия? Неужели Вы не думаете, что только у себя же вновь возродится русская культура» [55]. Извиняясь за причиненную обиду, он заверяет в абсолютной искренности своих мыслей о том, что «для В[ладимира] И[вановича] самого, для его научной работы лучше возвращаться к нам» [55]. Соображения об интересах РАН Ферсман ставит на второе место. В посланном на следующий день письме к самому Вернадскому Ферсман настаивает: «...Вы во многом ошибаетесь насчет Академии: она хочет Вашего возвращения и создать условия, при которых это было бы лучше всего. Напрасно Вы увидели в моем письме какие-то другие мотивы, и не было бы никаких оснований называть её шаги большевистскими» [56]. Следует отметить, что обидные и резкие суждения из уст ученика не изменили общего отношения Вернадского к Ферсману. В это же время он пишет сыну: «Ферсман в трудных положениях русской культуры был одним из тех, которые сделали для её сохранения и развития больше всех его ругающих» [57].

После долгого молчания написал Вернадскому и Хлопин. Он сообщил, что новым директором Радиевого института утвержден выбранный коллективом Ферсман, а Вернадский стал почетным директором. Его упреки мягки. Он лишь напоминает, что коллектив института был бы рад работать под руководством Вернадского.

Были и другие мотивы для недовольства решением Вернадского остаться в Париже. В письме из Берлина П. П. Сушкин поясняет, что отсутствие Вернадского — это прежде всего «чудовищная моральная утрата», и приезд Вернадского мог бы оздоровить обстановку в самом руководстве РАН, так как «А. П. Карпинский резко постарел, во многом плохо разбирается, и его в президиуме уважают только на словах, а влияние он не имеет. Ольденбург устал и стареет... Всецело попал под влияние Стеклова... И поэтому Академия Стекловизируется и Ферсманизируется» [58]. Последнее он считал особенно опасным, поскольку «Ферсман — не европеец, и хотя талантливый, но не умный человек уже потому, что плавает в волнах своей власти. А затем без Вас он совершенно распустился, и положиться на него нельзя: полное отсутствие чувства ответственности». Особенно возмущало Сушкина, что Ферсман обращается с академиками «как со своими ближайшими минералогическими младенцами». В этих условиях Президиум РАН правит, не советуясь с Конференцией. «А конференция безмолвствует». Правда, Сушкин боялся уговаривать Вернадского вернуться, так как «не желал взять на себя повторение того греха, который взял в Крыму, выдвиганием Вас в ректоры и тем оттянул отъезд за границу» [58]. Да и сам Вернадский не желал повторять ошибок прошлого и, маскируя мотивы своего решения, предпочитал обвинять Академию в несправедливости принятых по отношению к нему репрессий.

Письма Сушкина скорее убеждали Вернадского в правильности принятого решения. Из Лондона он желчно писал о требованиях Наркомата по иностранным делам составлять протесты под диктовку чиновников, о выступлениях Ферсмана с популярными лекциями, которые он называет «новым продуктом красного творчества» [59]. Он вопрошает: «На кой черт лезут люди в эту грязь? Воистину я думаю, что необходимо создание новой науки — общественной психопатологии, без которой явления революции и послереволюц[ионного] периода совершенно непонятны. Ведь в грязь лезут и люди, у кот[орых] соображения эконом[ического] материализма не играют роли» [59]. Сушкин разделяет желание Вернадского продлить пребывание за границей, но сам отказывается от эмиграции, понимая, что интересен за рубежом лишь знанием палеонтологических коллекций в России.

В этот период Вернадский весьма мрачно смотрит «на ближайшее будущее России», так как «коммунизм чрезвычайно силен» [34, с. 214, 217].

Колебания и трудное решение

Получив из фонда Розенталя средства, Вернадский погружается в работу, надеясь получить обнадеживающие результаты, которые стали бы основанием для продления финансирования. Но оказалось, что полученная сумма не позволяет мечтать о серьезном исследовании. Нельзя было нанять ни помощника, ни лаборанта. А в одиночку, как он сетует в письмах, ему далеко не уехать. К началу 1925 г. выясняется, что работы по биосфере не встречают того понимания, на которое рассчитывал Вернадский. Например, опубликованной статьей о давлении живого вещества «никто не интересуется» [60]. Экспериментальный материал, представленный экспертам, французским физикам и биологам, также встретил непонимание. Сомнения в полученных результатах были и у чехословацких химиков, о чем

не раз сообщал в своих письмах к Вернадскому Славик. Вернадский осознавал: «Мои идеи проходят медленно и, как всегда, встречают непонимание и недоверие» [34, с. 212], объясняя негативные отзывы новизной поднимаемых проблем. Уверенность в своей правоте заставляла думать, что реакция научного сообщества была бы другой при обширных экспериментальных исследованиях и активной пропаганде идей. Вспоминались слова Ферсмана о том, что настоящей работой Вернадский может заняться только в России.

Вновь начинается обсуждение доводов «за» и «против» возвращения в Россию с Сушкиным, который также затянул свою заграничную командировку, переехав из Европы в Америку. Не скрывая своего отрицательного отношения к большевикам и сотрудничавшим с ними, Сушкин без морализирования и философствования обобщает свой заграничный опыт [61]. Он пишет, что мог бы устроиться профессором в каком-нибудь государственном университете США, «но жить в американской дыре смысла нет, и затем я боюсь преподавания, тем более что оно здесь шаблонно, и пришлось бы еще перерабатывать весь курс на здешних примерах» [61]. Не устраивало Сушкина и предложение занять место библиотекаря и редактора в Бостонском обществе натуралистов, так как зарплата была низкая, а наукой пришлось бы заниматься «в свободное от работы время». В России же он постоянно находился в статусе «research professor».

Сушкин откровенно писал, что в отличие от Вернадского «никогда не обладал общественной жилкой, и обязательства перед родиной для меня в решении этих вопросов почти не играют роли. Тем более, в такие стихийные эпизоды роль отдельного человека совершенно ничтожна, и непосредств[енное] значение моего пребывания не выходит за пределы зоол[огического] и геол[огического] музея» [61]. Поэтому он был уверен, что его эмиграция никак бы не сказалась на «моральных устоях Академии». По мнению Сушкина, они сильно ослаблены из-за отсутствия Вернадского, которого он считал наиболее «естественным кандидатом в президенты Академии». Однако он думал, что это трудно осуществить, так как «уж очень... загажена политика Академии политикой компромиссов, и всякое проявление достоинства, кот[орое] было бы возможно и внушило уважение несколько лет тому назад, теперь будет принято как бунт». Но менять что-нибудь, как считал Сушкин, уже поздно. Он понимал, что «критиковать легче, чем действовать», но при этом разумнее было бы следовать правилу: «не целуй ручку дважды, когда заставляют сделать это один раз». Предстоящие торжества по случаю 200-летия Академии наук и просьбы выступить с докладами о её достижениях в «рабочих аудиториях» были для Сушкина «очень неприятны». «... Меня тошнит заранее от всей предстоящей лжи и со стороны власти, и со стороны — увы — Академии на тему о заботе власти о науке» [61].

Тем не менее Сушкин возвращается в Россию, так как не видит другой возможности сохранить свой научный статус. Он не прочь остаться в Америке, чтобы периодически приезжать за материалом в Россию, но такой вариант был нереален. «И я боюсь, что в этом смысле и Академия будет мне враждебна... захочет применить ко мне известные репрессалки, как к Вам» [61]. Вспоминая о репрессиях, Сушкин сомневается, будут ли у Вернадского отныне вообще средства для существования в России в случае возвращения.

О неблагоприятных условиях для научной работы в США не раз писал В. И. Вернадскому С. П. Тимошенко из Питтсбурга. «Как далеки эти учреждения от тех фантазий, которые я когда-то имел в России относит[ельно] американских научных учреждений. Никакой науки и никакого Research'a здесь нет! По крайней мере в моей области это настоящая пустыня, и здешние лаборатории ни с русскими, ни

даже с Загребом сравнивать нельзя... Всегда ощущение, что здесь жизнь не настоящая, а люди только собрались временно, чтобы заработать деньги, а потом уйти» [62]. Более того, американская действительность заставляет Тимошенко «думать, что демократич[еский] строй совершенно не благоприятствует р[азвит]ию наук и искусств — для этого деспотич[еский] режим, пожалуй, лучше» [63]. И этот вывод делал российский радикал, резко осуждавший оставшихся в России ученых за «услужничество» большевикам и считавший руководителя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского не «твердым правителем», а «палачом». «Готовность русского человека „услужить“ — и есть вероятная причина прочности большевиков. Довольно иметь кучку наглецов, и все готовы подчиняться» [63].

Обширные выдержки из писем Сушкина и Тимошенко показывают, какие вопросы волновали в середине 1925 г. Вернадского. Ясно, что невозможность реализовать биогеохимические идеи заставляет задуматься о возвращении на родину. Весной 1925 г. в письмах Вернадского детям вновь говорится о бурном развитии науки в СССР, свидетельством того были получаемые оттуда интересные издания. Вспоминаются и глубинные корни социалистической идеи. «Я смотрю на процесс, идущий в России, совершенно иначе, чем Вы оба смотрите... Да, то, что совершается в России, мне представляется величайшим трагическим событием истории человечества, связанным с *глубокой и серьезной* аморальной идеологией, одной из величайших проявлений человеческой воли и чрезвычайно опасной идейной ошибкой. Это не дело шайки разбойников, и удача этой попытки не следствие „безграничности“ народа, его „дикости“, как часто думают здесь — но связана большими корнями с прошлым русского народа, с его идейными стремлениями и желаниями...» [64]. Вернадского начинают мучить сомнения в правильности отхода от жизни страны и народа «в этот тяжелый период его истории», и он допускает возможность изменить избранный им ранее способ действий. Он приходит к выводу, что «в научной работе нельзя долгое время быть вне её той или иной формы национального движения» [65].

Столь категорические суждения Вернадского обусловлены прежде всего наступившим прозрением, что «организовать исследование живого вещества или геохимическое в большом масштабе ...не удастся из-за недостатка средств» [65]. Он начинает понимать, что на столь экзотические исследования можно получить деньги только на родине в силу своей глубокой встроенности в научное сообщество и высокого авторитета. Вернадский убеждался, что ученые, оставшиеся в СССР, сохранили возможность заниматься научной работой и существенно расширили её масштабы, используя заинтересованность большевиков в науке. Иначе он оценивал ситуацию в континентальной Европе. В письмах к А. Е. Ферсману и дочери Вернадский не раз отмечал, что близкие ему отрасли знания (геология, минералогия, кристаллография) находились в упадке, литература в библиотеках бедна, а зарплата ученых мала.

Ещё весной 1924 г. Вернадский писал дочери: «Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики, и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там (т. е. в Советской России. — Э. К.), сделали и делают большую мировую работу... Сейчас работы Павлова, Ферсмана, Баха, Лазарева, Кольцова, Иоффе, Зелинского, Курнакова, Марра, Карпинского и очень многих других оказывают влияние на человеческую мысль» [66]. Теперь он приходит к более радикальному выводу: «Главная научная, творческая русская (и украинская) работа идет в России, и в ней в этот момент особенно дорога каждая живая сила, могущая работать» [65]. Он уверяет, что в «этой работе творится будущее России, т. е. создается то, что не дает возможности укорениться в ней большевиз-

му, и создается вечная ценность, независимо от рамок жизни, каковы бы они ни были». Для него становится ясно: «кто может, должен научно работать в России, ибо сейчас там идет — что бы здесь ни говорили — большое творческое строение и получают — вопреки большевистскому укладу жизни — большие достижения» [65]. Так начинает доминировать мысль об окончательном возвращении на родину [67].

Подобные изменения в позиции Вернадского встревожили его детей, что заставляет его вновь и вновь излагать свои доводы. Он пишет, что прежнее решение — обосноваться за рубежом и вернуться в Россию лишь в крайнем случае — было прежде всего обусловлено нравственной ответственностью за жену и детей [68]. Теперь же он понимает, что дети могут найти «новую среду» за границей, хотя это не просто, так как «идет мировой кризис и нет „девственных“ стран, которые были сто лет назад». Их же жизнь с женой подошла к тому концу, где «болезнь и смерть — его естественные спутники». Поэтому он не боится вернуться в Россию. Более того, он убежден, что только «там есть все данные достигнуть... без недопустимых для меня моральных компромиссов возможности научной широкой работы» [68].

Вернадский стремится к активной деятельности и к полной реализации своего творческого потенциала. Он не желает перейти на содержание детей. Создание учреждения по изучению живого вещества было для него важно потому, что в этом случае появлялась возможность выдвигать и защищать «идею мировой научной организации». Он прекрасно понимает, что эти идеи не будут всерьез восприниматься, если их автор не имеет «большого общего научного авторитета и совершенно независимого научно-социального положения» [68].

Но он выдерживает паузу и не реагирует на намеки о возвращении в письмах А. А. Борисьяка и А. Е. Ферсмана. Вернадский не хочет, чтобы инициатива шла с его стороны. В письме же к Б. Л. Личкову он изъявляет желание побывать в Петербурге и Киеве, «но как это сделать, я не знаю и думаю, что это их дело, а не мое, об этом заботиться, так как *они не согласились в свое время на мою просьбу*» [69, с. 35]. Роль катализатора сыграло поступившее в июне предложение Карпинского приехать на два месяца на юбилей Российской академии наук. Одновременно Ферсман в частном письме коварно добавляет: «Ведь все-таки Вы не обидите Сергея Федоровича, не приехав на торжество Академии, значение которого, конечно, в укреплении науки и научных связей» [70]. В отличие от Сушкина, Вернадский считал, что «празднование юбилея Академии, как национального события, — явление крупного порядка и выходит за пределы советского политиканства. Несомненно, 1) Академия наук — одна из крупных организаций человечества...; 2) ...как соборные людей она сейчас занимает одно из первых мест; 3) в ней идет огромная творческая работа, в источнике и по существу независимая от современных условий и в конце концов непримиримая с их строем. ...Празднование принесет не то, что они хотят. Но я вижу здесь и новое важное: 1) национально-народная оценка научной работы в форме, в какой это никогда не бывает. Я уверен, что это, если не произойдет очень крупного диссонанса, будет иметь след в дальнейшей жизни человечества и 2) та связь, которая устанавливается у ученых с народными слоями, которые по существу также враждебны большевизму. Я думаю, что большевики и здесь, как и в другом, потерпят фиаско в своих стремлениях втиснуть жизнь в узкие рамки и дадут выход для нее, для них неожиданный» [71]. Поэтому он замечает: «Значение этого юбилея в мировой научной среде будет не такое большое, как думают в России многие, но заметное. И с грустью вижу утиную политику эмиграции: спрятав в крыло голову, думают, что ничего не происходит, раз не видят» [71].

Отныне Вернадский не скрывает желания поехать в Россию и отвергает все доводы «против». Но он не собирается вернуться в Россию на положении «блудного

сына», не оговорив условия возвращения. В письме к дочери он пересказывает ответ на предложение Карпинского. Прежде всего он хотел знать о пределах политических компромиссов Академии и выдвигает условия для возвращения: 1) полная гарантия от всяких террористическо-полицейских «инцидентов»; 2) временное возвращение, так как он хотел приехать сначала без жены; 3) восстановление в правах академика [71].

Карпинский ограничился только разъяснением своей позиции о компромиссах: «Если бы я увидел, что Академия, в общем, уходит с научного пути, на что не имеется оснований, то верьте, что я нашел бы средство устранить себя, каким бы несоответствующим это средство ни показалось» [72]. Обсуждение остальных, поставленных Вернадским проблем, было поручено Хлопину, который должен был с ним встретиться во время заграничной командировки. Однако встреча не состоялась, и в письме из Берлина Хлопин изложил условия возвращения. Вернадского ждали «к академическим торжествам *непрерывно* обратно, что помогло бы избежать всякого рода неприятностей». Однако гарантировать этого никто не может, так как «мы все ещё остаемся страной самых широких возможностей». Что же касается материальной стороны дела, то Вернадскому в Ленинграде будет не хуже, чем в Париже: восстановление в членах Академии и академического оклада, оклад председателя КЕПС и директора Радиевого института, от руководства которого по приезде Вернадского Ферсман сразу же отказывается, литературный гонорар. В распоряжение Вернадского будет предоставлен большой штат помощников для экспериментальных исследований [73].

В следующем письме Хлопин старается оценить степень риска возвращения для Вернадского в Россию. Он считает, что опасаться лишения свободы не приходится, и это Академия могла бы гарантировать, «но от обыска, вызова для дачи объяснений и т. п. беспокойств оградить его с ручательством за успех уже значительно труднее» [74]. Он вновь повторяет, что Вернадский напрасно затягивал свое возвращение, он мог бы иметь возможность ездить за границу ежегодно. В то же время Ферсман и Хлопин не видели причин для серьезных неприятностей, так как в целом в правительственных кругах отношение к Вернадскому «все еще доброжелательное». Враждебно к нему относилась в ВСНХ только директор радиевой промышленности и Гелиевого комитета В. И. Глебова, которую Вернадский встречал в Праге и охарактеризовал так: «небольшой, но вредный человек». Но и на нее друзья Вернадского в случае необходимости собирались найти управу, «например Держинский, которого она очень боится» [74]. Желание же Вернадского выехать в Прагу через год для чтения краткого курса в университете было воспринято благожелательно. Карпинский обещал оформить это как «обмен лекциями».

Возвращение. Путь в бессмертие

Наконец Вернадский принимает решение вернуться. Отныне он не обращает внимание на рассказы приехавших в Париж академиков (С. П. Костычев, И. П. Павлов и др.) о тяжелой политической обстановке, о переходе к стадии «государственного социализма», о потере у интеллигенции воли к сопротивлению вследствие исчезновения «борьбы за кусок хлеба в буквальном смысле», о закрытии ряда научных обществ, о невыносимой обстановке в вузах и т. д. Для него важнее впечатление, вынесенное с юбилейных торжеств всеми иностранными гостями: «Эмиграция является в сознании всех, кроме узкого круга, ничтожной величиной, и с ней не считаются...» [75]. Вернадский же хотел, чтобы с ним считались. Начиная с осени 1925 г. идет детальное обсуждение всех финансовых и технических

проблем возвращения В. И. Вернадского в Советскую Россию, которые удалось решить к февралю 1926 г. лишь благодаря настойчивости А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, П. П. Сушкина, А. Е. Ферсмана и В. Г. Хлопина. Но не все даже в руководстве АН СССР хотели идти навстречу требованиям Вернадского. Показателен эпизод с жалованьем, которое выписали Вернадскому с 1 октября 1925 г.: «...в это время Стеклова не было; приехав, он в очень грубой форме и при свидетелях отчитал Ольденбурга и деда (Карпинского. — Э. К.), но дело было сделано» [76]. С большим трудом удалось найти «подъемные» деньги, так как уже к началу 1926 г. Вернадский оказался без средств к существованию. «Наши средства на исходе, и если быстро не будет присылки из России, мы можем попасть в довольно затруднительное положение» [75]. Но он продолжает «держат марку» и в качестве важнейшего условия для возвращения выдвигает восстановление в списке членов Академии и на посту директора. В это время вопросы финансового обеспечения занимают значительное место в письмах к Вернадскому его друзей из Академии, напоминая порой бухгалтерские отчеты.

Как только стало известно о намерении Вернадского вернуться в Россию, к нему начинают поступать письма от бывших сотрудников и учеников с деловыми предложениями о кадровых изменениях, реорганизации учреждений, планах научно-исследовательских работ, закупке оборудования и т. д. Вернадский вновь чувствует себя востребованным, и его настроение резко улучшается. Пришли слова сочувствия и желанная мужества от профессора Ф. В. Родичева, который считал для себя невозможным вернуться туда, где нет свободы слова и царит «отвратительнейшая тирания — мартышек, которые очки „то понюхают, то полижут“» [77]. Родичев не верит рассказам Иоффе и Ольденбурга о внимании большевиков к науке, считает их разрушителями народной школы и высшего образования и возмущен сравнениями В. И. Ленина с Петром I, так как созданные в СССР университеты и научные институты Родичев воспринимал как «потемкинские деревни». Позднее в год «великого перелома» Родичев отмечал, как вредно для национального самосознания идти на поводу у аморальных властей. «Для (народной. — Э. К.) массы издевательства над их верованиями ужасно вредно. Это приучает молча переносить озорство власти и презирать себя за попустительство, и придумывать себе потом извинения. А власть приучает к разнузданности: „прикажут — придут сами сечья“, — говорил когда-то Троцкий» [78].

Последние попытки дочери уговорить отца не возвращаться в Россию были отвергнуты в резкой форме. Вернадский писал, что это равносильно требованию совершить «бесчестный поступок» или «нравственное самоубийство». Он считал, что подобное нельзя ждать от человека, «ещё живого и полного духовных сил». Тем более ему было непонятно: «Во имя чего бы я это сделал? Во имя любви к детям? — Но первая основа любви именно к ним — верность и искренность своей жизни... Из-за страха тюрьмы или неприятностей? Из-за тяжестей жизни? Из-за страха, наконец, смерти?.. Все эти ценности не отвечают той жертве, которую ты считаешь в праве от меня требовать» [79].

Он советует не гордиться ненавистью к большевикам, а глубже всмотреться в жизнь. «Ненависть к большевикам — как норма жизни — есть духовное рабство в их свите, так как жизнь гораздо шире, чем узкие и неглубокие их о ней представления». Избрав же ненависть как норму жизни, тем самым привязываешь себя к ним. Сам же Вернадский воспринимает большевиков как «несчастье, связанное с глубоко гуманным исканием выхода из бедствий окружающей жизни». Главный их недостаток он видит в попытках построить жизнь по законам разума и логики, что неизбежно ведет к еще большим несчастьям и лишениям. Благодаря большевикам

«открывается редкая в истории возможность влияния на жизнь людей больших преступников и великих грешников. Убийцы, воры, грабители ... нашли себе организацию и влияют на жизнь России — да и всего мира в небывалой почти раньше силе, ...но бороться с ними бесполезно». Эта ненависть и борьба принесет только новые беды России. Он считает, что его поколение, как и часть более старых и молодых, «виновато в том, что произошло, не меньше, а в равной степени с большевиками» [79].

Вернадский подчеркивает, что возвращается в Россию из командировки, а не из эмиграции, поскольку задержался по сугубо научным, а не политическим причинам. И возвращается обратно, осознав, что только в России он может реализовать свои научные планы. Не отрицая рабских условий жизни в России, Вернадский уверен: «Ничто не ломает моего *свободного духа* и между ним и окружающей рабьей атмосферой останется непроходимая пропасть...» [79].

Таким образом, решение вернуться в Россию было принято Вернадским вопреки воле родных и ближайших друзей. Подавлен был сын Георгий, бурно волновалась дочь, неистовствовала Гольштейн. Последняя называла поступок Вернадского безумием, донкихотством, за которое поплатится прежде всего «ни в чем не повинная» его жена Наталья Егоровна [19, с. 411]. Настроенная весьма критически к науке вообще и к научным занятиям Вернадского в частности, она не желала понять, как ради возможности продолжить занятия наукой можно вернуться к большевикам. Не принимала Гольштейн и ссылок Вернадского на «данное слово вернуться». Более того, она боялась, что «его там прижмут за долгое пребывание за границей и за позднее возвращение. Никто не поверит, что он вернулся, выполняя данное слово, объяснят это тем, что не удалось ему устроить свою жизнь здесь, и вот там, в Совдепии, его будут кормить...». Правда, допускалось, что прижимать не будут, а «окажут великий почет» [19, с. 412].

Но Вернадский уже не слушал никакие пророчества. Он был уверен, что полное погружение в научные изыскания позволило многое пережить «совсем иначе, чем переживается вокруг меня» [34, с. 217]. Он убеждался не раз «в неправильности всех оценок и построений, которые делались по отношению к переживавшимся нами событиям, и не вижу никаких гарантий и никаких указаний на то, что дальнейшие — теперешние оценки тех же людей были верны». Себя он сравнивал с тем китайским мандарином, который стал ближайшим помощником Чингиз-хана, и «благодаря ему, а не его моральным противникам, Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав» [34, с. 217]. Проводя аналогию с миром живого, где из миллионов родившихся выживают единицы, Вернадский считал оправданным сотрудничество с большевиками, так как и при них появляются ростки будущего. Процесс переоценки «идеалов жизни», начавшийся в годы гражданской войны, завершился выводом не только о возможности, но и необходимости сотрудничать с самыми жестокими правителями, если в конечном счете это сотрудничество будет полезно для науки, страны и народа в целом.

С таким настроением 8 марта 1926 г. Вернадский с женой прибывает в Ленинград. О его воодушевлении увиденным и открывшимися перспективами осуществить заветные мечтания свидетельствуют письма к детям в первый год пребывания в СССР [80]. Вот некоторые из его оценок состояния науки в СССР в 1926 г. «То, что сделано за эти годы в Академии, удивительно! Размах работы совершенно небывалый в русских ученых учреждениях: я думаю сейчас Минералогический музей на континенте (не считая Лондона) станет на первом месте и не только по собраниям, но по темпу работы и ее охвату, в этом последнем отношении он выше Лондо-

на. Ничего аналогичного во Франции нет... Почвенный музей Академии (старый Докучаевский) — единственный в Европе... КЕПС превращен в огромный институт, и сейчас начинается систематическое изучение во всех отношениях республик СССР в Азии... Академия — это целый новый городок исследовательских учреждений — будущее их мне представляется огромным» [80]. Это писал Вернадский сыну на следующий день после своего возвращения в Ленинград. В последующих сообщениях он подчеркивает образованность и преданность делу научных сотрудников, их серьезное отношение к исследуемым проблемам, всяческую поддержку своих планов со стороны АН СССР и т. д.

Исчезла неуверенность в будущем. Вернадский возглавляет ряд академических учреждений и комиссий, организует масштабное изучение химического состава организмов, результаты которого публикуются в «Трудах Биогеохимической лаборатории», в «Известиях АН СССР», в «Докладах АН СССР», в «Природе» в серии сборников и монографий. Биогеохимические идеи Вернадского разрабатывали не только сотрудники Биогеохимической лаборатории. По его программе проводились исследования живого вещества в Государственном радиовом институте, Петергофском естественно-научном институте, на Старосельской, Севастопольской и Мурманской биологических станциях, Шатиловской опытной станции, в Государственном океанографическом институте, Институте биохимии АН УССР и многих других. В этих исследованиях участвовали ученые самых различных специальностей: биологи, экологи, почвоведы, геологи, медики и т. д. Интеллектуальное воздействие идей Вернадского шло по возрастающей, захватывая все новые и новые отрасли науки [81]. Именно это позволяло Вернадскому в самый трагический период в истории нашей страны с оптимизмом смотреть в будущее [82; 83].

Таким образом, вернувшись в СССР, Вернадский действительно получил колоссальные возможности воздействовать на ход развития науки. Значение его идей вышло и за пределы России [84]. В том же Иельском университете, где в начале 20-х гг. Вернадскому не нашлось места, в 1946 г. крупнейший американский эколог Дж. И. Хатчинсон начал читать курс лекций по биогеохимии и с гордостью отмечал, что, вероятно, «это был первый курс лекций по этому предмету, прочитанный вне России» [85, с. 249].

Заключительные заметки

Вопросы мифотворчества в истории науки всегда были за пределами моих научных интересов, хотя я до сих пор продолжаю удивляться, почему у нас часто становятся модными ученые, не оставившие реального следа в мировой науке. Создается впечатление, что бессознательно идет «раскрутка» некоторых героев, чтобы ещё раз подтвердить анекдот о «России — родине слонов» и затем приступить к ритуальному сожжению «всего, чему поклонялись, чтобы поклониться тому, что раньше сжигали».

Но мифы не умирают так легко. Они крепко живут в нашем сознании, модифицируясь под влиянием запросов сегодняшнего дня. В основе мифов перестроечной эпохи лежит давняя склонность — патриотизм и гражданское мужество видеть в неподчинении властям, в громких разоблачениях их неблагоприятных поступков, в апелляции к так называемому международному общественному мнению. И это понятно. В извечном антагонизме между властями предрежащими и народом борцом за народные интересы становился вождем взбунтовавшихся казаков, решивших вместо обычных бесчинств в чужих странах «погулять» на родной земле, и эмиг-

рант, за рубежом звонящий в колокол, пробуждая очередное поколение революционеров. Особенно патриотичным считалось провести семнадцать лет за границей и затем, призывая к поражению собственной страны в мировой войне, развязать братоубийственную бойню. Перестройка лишь поменяла имена героев. На смену борцам с царским строем ради светлого коммунистического будущего были призваны реальные или мнимые борцы с тоталитарным режимом во имя столь же лучезарного капиталистического завтра. Пример с генералом Власовым показывает, насколько пластична наша мораль в подобном мифотворчестве.

Не случайно в период создания перестроечных мифов внимание привлекли не научные достижения Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Л. А. Орбели и И. П. Павлова, а прежде всего их противостояние режиму. При этом долгое время не задавались вопросом, почему некоторым из них до конца дней удавалось входить в обласканную властями научную элиту. Ведь оппозиция властям, как это было с Вавиловым и Орбели, обычно не оставалась безнаказанной.

Так обладали ли эти люди гражданским мужеством? По-моему, ответ на этот вопрос однозначен. Бесспорно, да! В постперестроечное время, когда средства массовой информации ежедневно обрушивают тонны компромата на власти держащие, «входящих во власть» и «выходящих из неё», трудно представить, что только верность научным взглядам и отказ менять их в соответствии с колебаниями линии партии были актами незаурядного мужества. Такое поведение воспринималось как вызов режиму, и решившиеся на него знали, что выбирают не только для себя, но и для своих близких «путь на эшафот». Слова Вавилова: «на костер пойдем, гореть будем, но от своих убеждений не откажемся» — не красивая фраза, а ясное понимание своего будущего из-за неподчинения официально одобренным доктринам.

При сталинском режиме борьба за научные убеждения неизбежно приобретала политический характер. Всегда на одной стороне был сам «корифей всех наук» и мощный партийно-правительственный аппарат, а с другой стороны — ученые, отстаивавшие свободу научного творчества, свободу развития науки. И острота борьбы определялась именно этим противостоянием, а не разногласиями вокруг законов Менделя, учения об универсальной адаптивно-трофической функции симпатической нервной системы или же биогеохимической трактовки жизни. И немногие решались использовать свой авторитет для спасения российской науки, как это неоднократно делали упомянутые выше лидеры советской биологии.

Были ли они патриотами своей страны? И на этот вопрос возможен утвердительный ответ, хотя в их деятельности не было противостояния «гениям зла». Российские ученые всегда видели в науке способ служения государству и считали необходимым использовать её достижения в практических целях для улучшения общества. И в этом их позиция всецело совпадала со взглядами зарубежных коллег, которые были убеждены, что «человеческому благосостоянию более всего содействует систематическое и рациональное приложение объективного знания», и ученые должны подавать пример бескорыстного поведения, «содействуя процессам, направленным на рационализацию жизни» [86, с. 50]. В соответствии с этой главной ценностью научного сообщества того времени интересы Вавилова фокусировались на проблеме использования мировых ресурсов на службу человеку, на «проблеме хлеба» в самом широком смысле этого слова. А биогеохимические труды Вернадского задумывались прежде всего для выработки стратегии рационального использования материальных ресурсов страны.

Развенчиваемые ныне за встроенность в коммунистический режим корифеи отечественной науки видели, что его вожди стремились развивать естественные и

технические науки, когда на Западе стало модным в науке видеть причину общенациональных кризисов (как это было в Веймарской Германии и в США в годы Великой депрессии). Тогда там всерьез обсуждались предложения «устроить науке выходной», объявив многолетний мораторий на научные исследования. Вернадский на своем опыте убедился, как трудно найти деньги для разработки новых идей.

Сегодня вновь модно обвинять науку во всех экономических и социально-политических бедах. Но не столь уж наивными были представления Вернадского о том, что наука сама по себе является важнейшей целью бытия человека, и его искренняя вера в научную деятельность как преобразующий фактор коммунистического режима. Конечно, использование достижений науки в промышленном производстве и обороне способствовало укреплению режима. Но не случайно, что власти во все времена должны были считаться с инакомыслием крупных ученых и что именно в научной среде укоренилось диссидентское движение, духовным лидером которого стал академик А. Д. Сахаров. Трудно переоценить и роль трудов самого Вернадского в осознании советской интеллигенцией в 70–80-х гг. неизбежности грядущих перемен в жизни нашего общества, и не вина Вернадского, что они оказались далеко не такими, как представлялись на заре перестройки.

Перипетии Вернадского в эмиграции показывают, сколь важна государственная поддержка фундаментальных исследований и как ненадежны упования на развитие отечественных исследований за счет иностранного финансирования. Менталитет научного сообщества в нашей стране и отчасти во всем мире был бы другим, если бы Вернадский не получил на родине возможности реализовать свои творческие планы. Это еще раз доказывает, что история науки мало подходит для нравоучительных жизнеописаний в духе Плутарха. В ней чаще найдешь сюжеты о компромиссах ученого с властями ради осуществления своих идей, воспринимаемых как предназначение свыше. Но об оправданности этих компромиссов может судить только тот, кто осознает, что наука — это главная цель жизни. И тогда исчезнут причины для придумывания новых мифов.

Литература

1. *Lapo A. V. Traces of Bygone Biospheres. Moscow, 1987.*
2. *Лапо А. В. Феномен Вернадского // Ноосфера. Духовный мир человека. Л., 1989.*
3. *Мочалов И. И. Вернадский — человек и мыслитель. М., 1970.*
4. *Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1982.*
5. *Вернадский В. И. Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5.*
6. *Bailes K. Science and Russian Culture in the Age Revolutions. V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington, Indianapolis, 1990.*
7. *Сорокина М. Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб., 1997.*
8. *Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997.*
9. *Синицына Г. С. В. И. Вернадский — основатель Радиевого института // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989.*
10. *Таубман Е. И. Первый центр по изучению радиоактивности в России // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989.*
11. *Визгин В. П. Атомный проект в СССР. Предварительные итоги и новые материалы // ВИЕТ. 1996. № 2.*
12. *Трифонов Д. Н. К истории Комиссии по проблеме урана // ВИЕТ. 1996. № 2.*

13. Война и убийства в украинском племени. 27 мая 1882 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 219.
14. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981.
15. Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917.
16. О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8.
17. *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Киев, 1994.
18. *Неаполитанская В. С. В. И.* Вернадский и современность // В. И. Вернадский и современность. М., 1986.
19. История полувековой дружбы // Минувшее. Вып. 18. М., 1995.
20. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986.
21. *Петров В. М.* Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 10–11.
22. *Лактин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М., 1990.
23. Columbia University, Bakhmeteff's Humanities Found, Golstein's Collection. Box 3. Письмо В. И. Вернадского к А. В. Гольштейн. 14 марта 1922 г.
24. Ibid. Vernadsky's Collection. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну (Г. В. Вернадскому). 1921 г. (без даты).
25. Ibid. Golstein's Collection. Box 3. Письмо В. И. Вернадского к А. В. Гольштейн. 1 мая 1921 г.
26. Ibid. Vernadsky's Collection. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 15 июня 1921 г.
27. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 12 июля 1921 г.
28. Ibid. Box 53. Письмо А. И. Петрункевича к Г. В. Вернадскому. 25 сентября 1921 г.
29. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 26 марта 1922 г.
30. Ibid. Box 6. Письмо И. И. Петрункевича к В. И. Вернадскому. 13 июля 1922 г.
31. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 13 августа 1922 г.
32. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 12 июля 1921 г.
33. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 4 января 1923 г.
34. «Я верю в силу свободной мысли». Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12.
35. Columbia University, Bakhmeteff's Humanities Found, Vernadsky's Collection. Box 85. Письма Я. В. Самойлова к В. И. Вернадскому. 20 октября 1922 г. и 26 апреля 1923 г.
36. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 9 июня 1923 г.
37. Ibid. Письмо В. И. Вернадского дочери. 21 июня 1923 г.
38. Ibid. Box 6. Письмо И. И. Петрункевича к В. И. Вернадскому. 20 февраля 1923 г.
39. Ibid. Box 86. Выписка из протокола № 1047 Президиума РАН от 23 мая 1923 г.
40. Ibid. Письма В. Г. Хлопина к В. И. Вернадскому. 8 июня 1923 г. и 26 ноября 1923 г.
41. Ibid. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 28 ноября 1923 г.
42. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 24 мая 1923 г.
43. Ibid. Письмо В. И. Вернадского дочери. 29 июня 1923 г.
44. Ibid. Box 86. Выписка из протокола № 1800 заседания Президиума РАН от 12 сентября 1923 г.
45. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 11 декабря 1923 г.
46. Ibid. Box 86. Письмо Ф. Славика к В. И. Вернадскому. 23 ноября 1923 г.
47. Ibid. Box 85. Письмо А. И. Петрункевича к В. И. Вернадскому. 21 сентября 1922 г.
48. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 4 ноября 1923 г.
49. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 16 февраля 1924 г.
50. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФА РАН). Ф. 208. О. 3. Д. 108. Письмо В. И. Вернадского к С. Ф. Ольденбургу. 6 апреля 1924 г.
51. Письма В. И. Вернадского к А. Е. Ферсману. М., 1985.
52. СПФА РАН. Ф. 1. О. 1а. Д. 173.

53. Columbia University, Bakhmeteff's Humanities Found. Vernadsky's Collection. Box 86.
Письмо А. Е. Ферсмана к В. И. Вернадскому. 21 июля 1924 г.
54. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана к В. И. Вернадскому. 30 июля 1924 г.
55. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана к В. И. и Н. Е. Вернадским. 7 августа 1924 г.
56. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана к В. И. Вернадскому. 8 августа 1924 г.
57. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 8 августа 1924 г.
58. Ibid. Box 86. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 4 ноября 1924 г.
59. Ibid. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 19 октября 1924 г.
60. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 30 июня 1925 г.
61. Ibid. Box 87. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 21 мая 1925 г.
62. Ibid. Письмо С. П. Тимошенко к В. И. Вернадскому. 29 января 1925 г.
63. Ibid. Письмо С. П. Тимошенко к В. И. Вернадскому. 14 марта 1925 г.
64. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадскому к дочери и сыну. 8 мая 1925 г.
65. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 14 апреля 1825 г.
66. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 5 мая 1924 г.
67. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 15 апреля 1925 г.
68. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну и дочери. 8 мая 1925 г.
69. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. М., 1979.
70. Columbia University, Bakhmeteff's Humanities Found. Vernadsky's Collection. Box 87.
Письмо А. Е. Ферсмана к В. И. Вернадскому. 1 июня 1925 г.
71. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 21 августа 1925 г.
72. Ibid. Box 87. Письмо А. П. Карпинского к В. И. Вернадскому. 29 июня 1925 г.
73. Ibid. Письмо В. Г. Хлопина к В. И. Вернадскому. 27 июля 1925 г.
74. Ibid. Письмо В. Г. Хлопина к Н. Е. Вернадской. 10 августа 1928 г.
75. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 10 ноября 1925 г.
76. Ibid. Box 87. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 4 ноября 1925 г.
77. Ibid. Box 87. Письмо Ф. И. Родичева к В. И. Вернадскому. 24 января 1926 г.
78. Ibid. Письмо Ф. И. Родичева к В. И. Вернадскому. 28 августа 1929 г.
79. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 17 ноября 1925 г.
80. Ibid. Письма В. И. Вернадского к сыну: 9 марта, 20 марта, 24 марта, 5 июля, 12 октября 1926 г. Письма В. И. Вернадского дочери: 14 марта, 19 октября, 31 декабря 1926 г.
81. Колчинский Э. И. Школа В. И. Вернадского и проблема эволюции биосферы // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1994.
82. Вернадский В. И. «Я смотрю вперед очень оптимистично...» (Письма к сыну и дочери) // ВИЕТ. 1993. № 4.
83. Вернадский В. И. «Я сделал, что мог...» (Письма к сыну и дочери) // ВИЕТ. 1994. № 1.
84. Колчинский Э. И. Эволюция биосферы. Л., 1990.
85. Hutchinson G. E. The kindly fruit of the earth: Recollections of an Embrio Ecologist. New Haven — London, 1979.
86. Коулер Р. Менеджмент науки в Рокфеллеровском фонде: Уортен Уивер и программа фонда по молекулярной биологии // ВИЕТ. 1996. № 2.